

Nedorezov, A. I.

**Основные черты социально-классовой структуры стран
Центральной и Юго-восточной Европы в межвоенный период**

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. C, Řada historická.
1980, vol. 29, iss. C27, pp. 211-224

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/102776>

Access Date: 28. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

А. И. НЕДОРЕЗОВ

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ СОЦИАЛЬНО - КЛАССОВОЙ СТРУКТУРЫ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

В последние годы в социалистических странах проявляется нарастающий интерес к проблеме социально-классовой структуры общества со стороны представителей самых разных общественных наук. В первую очередь предпринимаются попытки выяснить и проследить те глубокие социальные сдвиги, происходящие в обществе динамичные изменения в судьбах основных классов и социальных групп, которые особенно характерны для эпохи становления и развития новой коммунистической социально-экономической формации.¹

Этот интерес порожден практикой общественного развития и прежде всего необходимостью решения задач строительства зрелого социализма, когда должны претерпеть новые глубокие изменения как социальные связи в обществе, так и многие существенные черты составляющих это общество классов и социальных групп. Понятно, что решение этих новых задач невозможно без глубокого анализа существующей социальноклассовой структуры и её ретроспективного изучения в предшествующие исторические эпохи. Все это имеет самое прямое отношение к выяснению достигнутой ступени общественного прогресса, уровня морально-политического единства общества, что в свою очередь позволяет определить темпы и методы решения главных задач последующего этапа строительства социализма.

В этой связи представляется важным выяснение основных характерис-

¹ Назовем некоторые из зарубежных и советских монографических исследований по этой проблематике. М. Марков, *Към вопроса за класовите изменения в НРБ*, София 1960; В. Иванов, *Класова структура и социално единство*, София 1971; М. И. Микульский, *Классовая структура общества в странах социализма*, Москва 1976; *Struktura sociala a României socialiste*, Bucureşti 1971; *Sociální struktura ČSSR a její vývoj v 60. letech*, Praha 1972; *H. Jędruszcza k, Zatrudnienie a przemiany społeczne w Polsce w latach 1944—1960*, Wrocław 1972; C. Ionescu, *Omul, societatea, socialismul. Dinamica structurii sociale in România*, Bucureşti 1973; F. Charvát a jiní, *Sociálně třídní struktura Československa*, Praha 1978.

тик социально-классовой структуры общества стран Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период, то-есть установление того рубежа, с которого началось в указанных странах её преобразование. Без этого невозможно понять как сущность так и глубину структурных общественных изменений, произошедших в обществе в последующие годы революционных преобразований и социалистического строительства.

Научное понимание социально-классовой структуры общества определяется марксистско-ленинским воззрением на развитие человечества как естественно-исторический процесс, на определенной ступени которого общественное разделение труда вызывает появление классов, различающихся по их отношению к средствам производства, их месту в общественной организации труда и доле в присвоении общественного богатства. Социально-классовая структура того или иного общества, представляющая собой систему исторически складывающихся общностей людей: классов, социальных слоев, производственных коллективов в рамках данной общественно-экономической формации, находящихся в относительно устойчивых отношениях между собой и принципиально отличающихся от естественных связей между людьми (возрастные, родственные и другие отношения) — эта структура является одной из главных характеристик каждой общественно-экономической формации.

Решающим для положения того или иного класса или социальной группы в обществе является роль этого класса в общественном труде, её особые функции в системе производственных отношений данной общественно-экономической формации, а именно состоит ли данная общность из собственников средств производства или же наоборот лишена этих средств и является в антагонистическом обществе классом эксплуатируемым.

Напомним в связи с этим ленинское положение о классах:

«Классы — это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства».²

В. Л. Ленин подчеркивал в своем определении классов историчность их существования, изменчивость во времени в связи с изменением общественного производства и производственных отношений. Вместе с тем наряду с экономическими критериями в ленинском подходе к характеристике классов обращалось внимание на «строй жизни, на уровень потребностей, как материальных так и духовных».³ Ибо деятельность классов охватывает как сферу экономики, так и область политики и идеологии. В силу этого классовые отношения, классовая борьба в равной мере проявляют себя и в этих сферах общественной жизни.

В соответствии со своим специфическим социально-экономическим положением каждый класс вырабатывает отражающую его интересы идеологию и политику, отличается определенными особенностями в образе жизни, культуре, психологии и использует различные средства, чтобы оказать влияние на другие классы и социальные группы. Все воль-

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 15.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 547.

ные или невольные попытки предать забвению эту сторону проявления классовой активности равно как и игнорировать присущие буржуазному обществу антагонистические противоречия не выдерживают подлинно научной объективной критики.

Мы считали необходимым обратить внимание на эту разносторонность марксистско-ленинской характеристики классов в связи с тем, что в настоящее время наблюдаются настойчивые попытки подменить такое подлинно научное понимание классов модной буржуазной теорией социальной стратификации, где игнорируются отношения собственности, а классы и социальные группы заменяются безликими странами. При этом делаются усилия перенести социальные отношения, присущие капитализму, на социалистическое общество. Представители этой далекой от науки теории, равно как и близкой ей теории конвергенции, стремятся доказать своей теорией изживания в современном буржуазном обществе классовой борьбы, в том числе и в её идеологической форме.

Наблюдавшиеся в некоторых социалистических странах попытки применять теорию стратификации при анализе процессов развития социалистического общества⁴ преследовали ничто иное как умаление ведущей роли рабочего класса и его партии в стране, создание идеологического вакуума для проникновения и укрепления буржуазной идеологии.

Для социально-экономической структуры буржуазного общества характерным является многоукладность экономики. Это обстоятельство предопределяется общей стихийностью развития народного хозяйства, благодаря чему создается различная степень развития производительных сил и обобществления средств производства в его отдельных отраслях, сохранением в течении длительного времени остатков прежних общественно-экономических формаций, а также неравномерностью развития и разностью в уровнях отдельных, в особенности, национальных районов, и рядом других причин.

Такая многоукладность экономики как и другие явления, характерные в любой стране буржуазного общества, с имманентно ему присущими экономическими и социально-классовыми отношениями и связями, наблюдалось также и в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, являющимися объектом нашего рассмотрения.

Отмеченная многоукладность в свою очередь предопределяла большую дифференцированность социального состава общества, усложняет социально-классовую структуру этих стран.

Наяду с государственно-капиталистическим укладом в экономической структуре имелся частнокапиталистический и мелкотоварный уклады, а в Албании был в наличии и патриархальный уклад. За этими укладами стояли определенные классы и социальные группы.

Придерживаясь методологии можно назвать три основные класса в буржуазном обществе: «... буржуазию, мелкую буржуазию (крестьянство, как её главный представитель) и пролетариат».⁵

⁴ Такие попытки имели в частности место в работах П. Махонина и других. См. P. Machonin, *Československá společnost. Sociologická analýza sociální stratifikace*, Bratislava 1969.

⁵ В. И. Ленин. ПСС, т. 26, стр. 72.

Страны Центральной и Юго-Восточной Европы накануне второй мировой войны являлись (помимо Чехословакии и восточных районов Германии, в будущем ГДР) по своему характеру аграрными или аграрно-индустриальными. Подавляющая часть национального дохода создавалась здесь в сельском хозяйстве, главным образом в мелкотоварном крестьянском производстве. Так доля промышленности в создании совокупного продукта сельского хозяйства и промышленности составляла: в Болгарии — 33,8 %, ^{5a} Венгрии — 42 %, в Румынии — 40 %, в Польше — 47,4 %, ⁶ в Албании — 18,3 %, в Югославии — 28 %. ⁷ Лишь в Чехословакии эта доля поднималась до 58 % и в ГДР до 75 %. ⁸

Это обстоятельство обусловило характер социально-классовой структуры населения и, в частности, относительно небольшой удельный вес промышленного пролетариата. Так в Болгарии крестьянство составляло 69 %, а рабочий класс всего 17 % населения. ⁹ Фабрично-заводских рабочих в стране насчитывалось в 1939 г. всего 92 тыс. человек, при чем подавляющая часть их (около 90 %) работала на предприятиях имевших до 100 рабочих и лишь 2 % на предприятиях, занимавших от 300 до 2 тыс. человек. Большая часть рабочих была занята в текстильной, пищевкусовой и горной промышленности, 135 тыс. человек работало в ремесленных мастерских. ¹⁰

В Румынии в сельском хозяйстве было занято 76,7 % населения и лишь 8 % — в промышленности. По данным 1930 г. на предприятиях добывающей и обрабатывающей промышленности и на транспорте было занято 457 тыс. (включая мастеров и учеников), почти половина из них — 198 тыс. работала в мелком кустарном и ремесленном производстве. ¹¹ Помимо этого в стране насчитывалось 612 тыс. сельскохозяйственных рабочих. ¹²

В Польше по данным 1938 г. 70 % работающего было занято в сельском хозяйстве. Удельный вес крестьянства составлял свыше 50 % населения. Число рабочих (вместе с семьями) достигало 10,5 млн. человек или 30,2 % населения, в том числе рабочие в промышленности и на транспорте — 18,8 %. Из этого количества на промышленных предприятиях и в горном деле работало 1675 тыс. человек, в сельском хозяйстве — 3,1 млн., в мелком ремесле и промыслах — 2,9 %. В качестве домашней прислуги работало 415 тыс. человек. ¹³ Доля других классов и социальных слоев составляла: интеллигенции — 5,7 %, мелкой буржуазии (кроме

^{5a} Централен държавен архив на НРБ-МВР (далее ЦДА на НРБ). Министерство на труда и социалните грижи (МТСГ), фонд 210, оп. 12, арх. ед. 14, л. 1.

⁶ *Země socialistické soustavy. Statistický přehled*, Praha 1961, s. 17.

⁷ *Мировая социалистическая система хозяйства*, М. 1967, т. 4, с. 21, 359.

⁸ *Страны социализма и капитализма в цифрах*, М. 1966, с. 34.

⁹ Тодор Живков, IX съезд Болгарской коммунистической партии, М. 1967, с. 1.

¹⁰ *Икономика на България*, София 1972, т. 2, с. 374; В. Иванов, Указ. соч., с. 189;

М. Исусов, *Работническата класа в България 1944—1947*, София 1971, с. 87.

¹¹ *Situația clasei muncitoare din România 1914—1944*, București 1966, с. 237.

¹² N. N. Constantinescu, V. A. Jenciu, *Capitalismul monopolist în România*, București 1962, с. 104.

¹³ Ян Шепаньски и, *Изменения в классовой структуре польского общества, «Социалистическая мысль в Польской народной республике»*, М. 1968, с. 54.

крестьянства) — 11,8 %, буржуазии — 0,9 %, помещиков — 0,3 % и других элементов — 1,1 %.¹⁴

В Венгрии в промышленности и строительстве работало 24,1 %, в сельском хозяйстве — 53 % самодеятельного населения. Общая численность рабочих достигала одного миллиона человек, из них 19 % работало в текстильной и 27,6 % в металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности, около 40 % рабочих сосредотачивалось на крупных предприятиях, свыше 1000 человек, но значительное число их работало на мелких кустарных предприятиях и мастерских.¹⁵

В Югославии по данным 1938 г. в сельском хозяйстве было занято 76 % из 15 миллионов населения страны. Промышленный и сельский пролетариат составлял 34,6 % трудоспособного населения (включая владельцев сельских хозяйств до 2 га, ремесленников и учеников). Всего было 940 тысяч безземельных поденщиков-батраков.¹⁶ Из числа лиц наемного труда 310 тыс. человек (28 %) работало в промышленности, в первую очередь текстильной, а 296 тыс. человек в мелких ремесленных мастерских. Общее число рабочих в сфере материального производства и обслуживания в 1938 г. достигло 715 тыс. человек. К крестьянству и мелкой буржуазии города югославская статистика относила 59,2 % населения (9 млн. человек), к буржуазии — 5,3 % (802 тыс. человек), в том числе около 80 тыс. представляли крупную буржуазию.¹⁷ Особенно отсталой социальной структура была в национальных районах Македонии и Черногории, где доля рабочих была буквально мизерной (в Черногории 1 рабочий на 1 тыс. жителей).

Что касается Албании, то в 1938 г. в сельском хозяйстве страны создавалось 81,7 % всей валовой продукции народного хозяйства самодеятельного населения.¹⁸ Вся промышленность состояла из 47 предприятий, в основном мануфактурного типа, производивших продукты питания, обувь, ткани. Самое крупное из них насчитывало всего около 50 рабочих. Имелось также около 5 тыс. мелких ремесленнико-мастерских. Рабочий класс насчитывал всего около 15 тыс. человек¹⁹, в основном сезонных рабочих. В годы второй мировой войны численность рабочего класса страны несколько увеличилась за счет расширения военного производства и добычи нефти.

В Чехословакии и в восточной части Германии (будущей ГДР) в отличие от перечисленных стран в довоенные годы наблюдалось иное положение. Здесь характерным было преобладание населения, занятого в промышленности, над работающим в сельском хозяйстве, при ведущем положении рабочего класса. Так в Чехословакии по переписи 1930 г. в промышленности, строительстве и ремеслах было занято 34,4 %; рабочие и служащие составляли 61,4 % населения. В ГДР по данным 1946 г.

¹⁴ J. Żagnowski, *Spółeczeństwo drugiej Rzeczypospolitej 1918—1939*, Warszawa, с. 32.

¹⁵ Рабочий класс и строительство социализма, М. 1977, с. 88.

¹⁶ I. Vinski, *Klasna podjela stanovništva i nacionalnog dohotka Jugoslavije u 1938*, Zagreb 1970, с. 17.

¹⁷ Там же, стр. 13.

¹⁸ Н. Д. Смирнова, *Образование Народной республики Албании*, М. 1960, с. 31.

¹⁹ К. Миша, *История профсоюзного движения в Албании*, М. 1960, с. 28.

доля рабочих и служащих, занятых в промышленности составляла 35,6 %, тогда как население, занятое в сельском хозяйстве — 29,2 %. Доля чехословацкого крестьянства среди населения составляла 22,8 %, служащих 6,8 %, мелких ремесленников и торговцев 6,6 % и капиталистов 9,2 % (включая кулаков).²⁰

При относительной малочисленности промышленного пролетариата для большинства стран региона был характерным незначительный удельный вес в его составе квалифицированных рабочих, который, например в Румынии составлял всего 30 %, ²¹ а в Болгарии 35,8 %.²² Сравнительно небольшая доля промышленного пролетариата в составе населения естественно уменьшала возможности его воздействия на трудящиеся массы. В. И. Ленин говорил: «Чем больше пролетарцев, тем больше их сила как революционного класса, тем ближе и возможнее социализм». ²³ Но вместе с тем В. И. Ленин подчеркивал, что общественная роль рабочего класса значительно больше, чем его доля в населении. Она предопределяется тем, что «пролетариат экономически господствует над центром и нервом всей хозяйственной системы капитализма». ²⁴

Такое положение рабочего класса в системе капиталистического производства, сравнительно высокая степень концентрации последнего создавали предпосылки для успешной классовой борьбы пролетариата, а благодаря наличию во всех странах, помимо Албании, пролетарской партии — сплочения вокруг него широких слоев трудящихся.

В каждом классе наблюдалась и собственная внутренняя дифференциация. Такая дифференциация имела место и в классе буржуазии, где между отдельными прослойками по имущественному и отраслевому положению (промышленность, сельское хозяйство, торговля, банковская система и т. п.) наблюдались значительные различия. Однако эта микроструктура класса буржуазии не затрагивает главных принципиальных черт характеристики этого класса.

Особенно дифференцированным перед нами выступает класс мелкой буржуазии, к которому, помимо мелкого а среднего крестьянства, относятся ремесленники, мелкие торговцы, представители ряда профессий, имеющих свою частную практику (врачи, адвокаты и т. п.). Специфическое положение мелкой буржуазии заключалось в том, что в то время как одни её социальные группы применяли наемный труд и тем самым примыкали к представителям буржуазии, другие, основывая ведение своего хозяйства на личном труде или труде членов семьи (семейные рабочие), испытывали, как правило, гнет капитала, хотя и в других формах, чем рабочий класс. Рабочий класс характеризовало полное отсутствие у него средств производства, что делало основным источником его существования продажу рабочей силы.

В рабочем классе выделялся тонкий слой рабочей аристократии, т. е.

²⁰ *Statistická ročenka republiky Československa 1957*, с. 43; *Statistisches Jahrbuch der DDR*, 1962.

²¹ Т. Белонж, *Румыния, страна и народ*, Бухарест 1972, с. 27.

²² *Икономиката на България*, т. 2, с. 411.

²³ В. И. Ленин, *ПСС*, т. 2, с. 6.

²⁴ В. И. Ленин, *ПСС*, т. 40, с. 23.

высококвалифицированных и хорошо зарабатывающих рабочих, основной слой рабочих, и слой неквалифицированных рабочих, куда можно отнести и сельскохозяйственных рабочих — батраков.

В социальной структуре буржуазного общества сохраняются также остатки структуры прежних общественно-экономических формаций, что проявлялось, например, в существовании во всех странах региона, кроме Болгарии, крупных землевладельцев — помещиков, важное общественное положение которых определялось не только весом в экономике страны, но также традициями прошлого, когда они занимали руководящее место в политической жизни страны.

В многонациональных буржуазных государствах проявлялась ярко выраженная специфика социального состава населения национальных районов, что было связано с политикой буржуазии господствующей нации, намеренно тормозившей промышленное развитие угнетенных наций, удерживающей национальные районы на уровне аграрно-сырьевых придатков и искусственно сохраняющих в этих районах остатки прежних социально-экономических структур, включая патриархальное хозяйство, помещичье землевладение и помещиков и т. п. Это обстоятельство, увеличивая общую многоступенчатость и пестроту социальной структуры населения данной страны, усиливало остроту национальных и социальных противоречий.

Решающие различия в экономическом положении обуславливают существенные различия в общественно-политическом положении, духовной жизни, культурно-бытовых условиях между отдельными классами и социальными группами буржуазного общества. Некоторые из указанных различий, сохраняясь длительное время, являются элементами специфического положения тех или иных классов и социальных групп любого общества, в том числе и социалистического.

Как отмечалось выше, в большинстве стран региона преобладающую часть населения составляло крестьянство. Оно имело собственную глубоко дифференцированную микроструктуру. На нижней ступени социальной лестницы находился сельскохозяйственный пролетариат. Самая забитая, мелкая и бесправная часть населения в любой из стран. В некоторых странах (Польша, Югославия, Румыния) он составлял большую часть класса рабочих, а также значительную, если не преобладающую, часть сельских тружеников. В Чехословакии эта категория составляла 43 % работающих в сельском хозяйстве,²⁵ а в Польше его численность достигала более трех миллионов человек, в два раза превосходя число занятых в промышленности. В Албании земли не имели 215 тысяч земледельческих семей, составлявших предположительно половину сельского населения.²⁶ Данные по другим странам были приведены выше.

К сельскому пролетариату примыкала прослойка имевших наделы до 2-х га, также parcelные хозяйства, их можно назвать, применяя ленинскую терминологию, пролетарскими или полупролетарскими хозяйствами. Основным источником их существования была продажа рабочей

²⁵ А. И. Недорезов, *Аграрные преобразования в народно-демократической Чехословакии*, М. 1954, с. 19.

²⁶ Новая Албания, 1949, № 17, с. 8.

силы. Эта категория составляла в Чехословакии 44,2 % хозяйств, имела 4,5 % земли, в Югославии соответственно 34,3 % и 6,5 %, ²⁷ аналогичным было её положение и в других странах.

Об удельном весе и количестве земли отдельных социальных групп мелкого (владельцы участков до 5 га), среднего (владельцы наделов главным образом от 5 до 10 га) и крупного зажиточного крестьянства — кулачества, а также крупного землевладения (более 50 га) дает представление приводимая ниже таблица.

Структура сельских хозяйств и землевладения социальных групп деревни социалистических стран Европы накануне второй мировой войны

в %

Страны	Группы хозяйств									
	до 5 га		5—10 га		10—20 га		20—50 га		свыше 50	
	хозяйства	земельная пл.	хоз.	зем. пл.	хоз.	зем. пл.	хоз.	зем. пл.	хоз.	зем. пл.
Болгария ^{27а}	63,1	30,0	26,2	36,7	9,2	24,3	1,4	7,4	0,1	1,6
Венгрия ²⁸	84,0	20,2	9,8	14,0	4,3	12,9	1,0	6,5	0,9	46,4
ГДР ²⁹	56,0	10,3	16,4	10,5	16,6	19,5	8,5	20,8	2,5	38,9
Польша ³⁰	61,6	14,0	24,7	17,3	10,3	13,4	2,5	6,9	0,9	48,4
Румыния ³¹	74,9	28,0	17,1	20,0	5,5	12,0	1,7	7,8	0,8	32,2
Чехословакия ³²	70,6	15,7	15,6	13,8	9,1	16,3	3,7	13,1	0,98	41,2
Югославия ³³	67,9	28,0	20,4	26,6	8,6	22,4	2,6	13,0	0,38	10,0

Приведенные данные свидетельствуют о глубоко зашедшем в странах региона процессе социального расслоения деревни, порождающего раскрясынивание сельского населения, рост массы деревенских пролетариев, хроническое аграрное перенаселение с одной стороны и все более возрастающие классовые противоречия — с другой.

Этот процесс привел к тому, что владельцы среднекрестьянских хозяйств, основная часть которых находилась в группе от 5 до 10 га, являлась уже относительно тонкой социальной прослойкой, составлявшей, как свидетельствует приведенная таблица, от 9 %, как в Венгрии, до 26,

²⁷ А. И. Недорезов, Указ. соч. *Enciklopedija Jugoslavije*, Zagreb 1960, с. 647.

^{27а} Месечни известия на главната дирекция на статистиката, 1947, № 1, с. 25 (данные 1934 г.).

²⁸ *Reformy agrarne i polityka rolna w europejskich krajach demokracji ludowej*, Warszawa 1974, с. 222. Данные 1935 г. Они делятся по площади, исчисляемой в хольдах, I хольд — 0,57 га, I группа имела до 10 хольдов или 5,7 га, II соответственно 10—20 хольдов, III — 20—50 хольдов, IV — 50—100 хольдов, V — свыше 100 хольдов.

²⁹ *Země socialistické soustavy*, Statistický přehled, Praha 1961, с. 83. (Перепись 1930 г.).

³⁰ *Reformy agrarne i polityka rolna*, с. 148.

³¹ *Anuarul statistic al Romania*, 1939, 1940, p. 403. (Перепись 1930 г.).

³² *Statistický zpravodaj*, 1950, č. 2.

³³ P. Marković, *Strukturne promene na selu*, Beograd 1969, с. 22; *Enciklopedija Jugoslavije*, t. 4, Zagreb 1960, с. 647. Данные переписи 1931 г.

как в Болгарии, процентов общего числа хозяйств. Правда, часть среднекрестьянских хозяйств была и в группе хозяйств, имевших от 10 до 20 га земли.³⁴ Поэтому удельный вес среднего крестьянства очевидно можно было бы поднять до 20—30 процентов сельского населения.

Но, даже и эти показатели свидетельствуют о большом размывании среднего крестьянства, его так называемом раскрестьянивании, будь то в результате дробления крестьянских наделов между наследниками или продажи части земли за долги, принимал особенно значительные размеры в неуродайные годы. Ни о какой устойчивости крестьянского хозяйства не могло быть и речи.

Рассмотренным категориям сельского населения противостояли две эксплуататорские прослойки деревни: зажиточные крестьяне, именуемые в советской литературе кулаками, и крупные землевладельцы — помещики. Обе они принадлежат к классу капиталистов. Первые из них, связанные с крестьянством лишь общим укладом жизни, иногда личным участием в работе в своем хозяйстве, являлись в своей основе, владельцами капиталистического предприятия, основанного на эксплуатации наемных рабочих и превращавшего значительную часть доходов в капитал. От крупного предприятия в земледелии кулацкое хозяйство отличалось лишь масштабами производства.

В руках таких хозяйств, основная часть которых находилась в группе от 10 до 50 га, составлявших по численности от 5 до 12 % общего числа хозяйств в деревне сосредотачивалась, как это было например в чешских районах, значительная часть (до 35 %) земли, до 60 % лошадей, до 40 % крупного рогатого скота, свиней, много машин.³⁵

Крупная частная земельная собственность являлась экономической основой наличия хозяйств крупных землевладельцев — помещиков. К ним можно отнести хозяйства, имевшие свыше 50 га земли. Небольшое их число владели, однако, во многих странах почти половиной земли. Лишь в Албании и Югославии эта доля крупного землевладения была менее 20 % всей земельной площади. Болгария, где крупнокапиталистическое землевладение велось приблизительно на 2 % земли, являлась некоторым исключением.

Концентрация лучшей земли, скота, сельскохозяйственной техники, тягловой силы являлась большим преимуществом крупного капиталистического хозяйства в ожесточенной экономической борьбе с мелкокрестьянским производством. Лишь огромная интенсификация труда членов семьи и максимальные ограничения потребностей позволяли мелкому и среднему крестьянству удерживаться на положении собственника средств производства.

Что касается других социальных слоев мелкой буржуазии, то их экономическую основу составляли либо мелкие промышленные предприятия, ремесленные мастерские, мелкие магазины, находившиеся как в городе, так и в деревне.

³⁴ Некоторые из исследователей относят к средним все крестьянские хозяйства от 10 до 20 га. Так поступает, например, Э. Кратохвилова при исследовании чехословацкой деревни, хотя и свидетельствует, что 60,2 % хозяйств, т. е. большинство, в этой группе применяло наемную рабочую силу.

Общий удельный вес владельцев таких предприятий вместе с членами семей в разных странах составляли 8—12 % всего населения.³⁶ Указанная прослойка мелкой буржуазии помимо хозяйственной, играла также существенную политическую роль, являлась социальной базой различного рода мелкобуржуазных партий, а при определенных условиях правых и фашистских течений.

В то же время этим слоям были присущи патриотические и антимонополистические настроения, особенно усилившиеся в обстановке экспансии германского монополитического капитала, затрагивавшей экономические интересы почти всех указанных прослоек мелкой буржуазии.

С учетом мелких производителей в сельском хозяйстве, т. е. крестьян, можно полагать, что в структуре всех стран Центральной и Юго-Восточной Европы, не исключая и промышленно развитые государства, преобладало мелкобуржуазное население. Мы исходим при этом из того предположения, что как в Венгрии, так и в Чехословакии и Польше, не говоря уже об аграрных странах, можно полностью отнести характеристику социальной структуры населения, примененную В. И. Лениным в отношении западных капиталистических стран, отмечая на III-м Конгрессе Коминтерна характерное для них преобладание мелкой буржуазии В. И. Ленин говорил: «Мелкие производители и мелкие буржуа в большинстве капиталистических стран составляют 30—45 % населения. Если присоединить к ним мелкобуржуазные элементы рабочего класса, то выйдет даже более 50 %».³⁷

Промежуточное положение в обществе занимала интеллигенция, распадавшаяся, если принять ленинскую терминологию, на буржуазную, мелкобуржуазную и пролетарскую, в зависимости от того, чьи интересы та или иная прослойка наиболее сознательно и решительно отражала и на чьей стороне она активно вела политическую и идеологическую работу. Социальные и духовные связи части интеллигенции с буржуазией как правило базировались на экономической основе.

Позиция пролетарской интеллигенции характеризовалась тем, что она вместе с пролетариатом вела борьбу за победу социалистической революции. Общая численность интеллигенции в разных странах была различной. В то время как в Болгарии, по подсчетам К. Димитрова, её доля составляла от 3 до 3,5 % всего занятого населения³⁸ (1940 г.), в Чехословакии её доля достигала в 1930 г. 7,72 % (общий удельный вес служащих — 17,23 %, ³⁹ а в Польше (1938 г.) — 5,7 % (вместе с членами семей).⁴⁰

³⁵ А. И. Недорезов, Указ. соч., с. 26.

³⁶ Например, польский историк Я. Жарновский определяет численность мелкой буржуазии (без крестьянства) Польши в 1938 г. в 4,1 млн. человек, что составляло 11,8 % населения (J. Żarnowski, Указ. соч., с. 32).

Я. Щепаньский называет цифру в 35—36 тыс. что составляло 11 % населения; Я. Щепаньский, Указ. соч., с. 30. Чехословацкие источники определяют число владельцев мелких предприятиях в 1153 тыс. человек или 8,2 % населения.

³⁷ В. И. Ленин, ИСС, т. 44, с. 41.

³⁸ К. Димитров, Социалистическата структура на буржуазното общество в България и професиналната структура на интеллигенцията, «Социологически проблеми», София, 1970, № 4, с. 77.

³⁹ *Dynamika socialnej struktury v ĆSSR*, Bratislava 1968, с. 95.

⁴⁰ J. Żarnowski, Указ. соч., с. 32.

В этом отношении все страны региона существенно отставали от стран Западной Европы и США, где доля интеллигенции достигала 19 % — в Германии (1939 г.) и 24 % в США.⁴¹

Характерной чертой региона в 30-е годы являлось преобладание в составе интеллигенции групп, связанных в первую очередь с народным просвещением, с учреждениями буржуазного государства (юристы) и здравоохранением. Значительно меньший удельный вес имела техническая интеллигенция, работавшая в промышленности и сельском хозяйстве. Так, в Болгарии доля учителей в общем составе интеллигенции составляла 59 % (1941 г.), в Польше (1939 г.) — 51,6 %, в то время доля производственно-технической интеллигенции (инженеры, архитекторы) соответственно всего 4,5 % и 6,87 % научных работников — 1,47 % и 1,97 %.⁴²

После учителей второе место (около 11 %) занимали в этих странах работники здравоохранения и ветеринарной службы, затем шли юристы (9,33 % в Польше и 11 % в Болгарии), писатели и работники искусств (7 % в Болгарии и 9 % в Польше) и т. д.

Материальное положение учителей и некоторых других категорий интеллигенции немногим отличалось от положения рабочих и крестьян. Это обстоятельство как и общий характер всего уклада жизни сближало эти категории интеллигенции с широкими народными массами. В отношении них вполне справедливо применять название «народная интеллигенция». Между тем как буржуазная часть интеллигенции являлась проводником в массы буржуазной идеологии, глашатаем различного рода националистических идей, вплоть до его крайних шовинистических форм социальной демагогии, тормозившей развитие классовой борьбы как в городе, так и в деревне.

При всей его относительной малочисленности (около 1 % населения) класс крупной буржуазии занимал во всех странах господствующее положение в экономической, политической и культурной жизни народа. Установление более или менее точной численности класса затруднено буржуазной статистикой. Существуют и разные критерии определения составляющих его прослоек. Мы включаем в этот класс, наряду с капиталистическими предприятиями, представителей финансовой и крупной торговой буржуазии, крупных землевладельцев, о которых шел разговор выше, высокооплачиваемых государственных чиновников и управляющих крупными предприятиями, зарплата которых покрывалась за счет высокой нормы прибыли.

Ведущей группой класса буржуазии являлись представители монополистического промышленно-банковского капитала, которые вместе с крупными землевладельцами составляли своеобразную буржуазно-помещичью олигархию. Эта очень узкая по численности социальная группа, насчитывающая в каждой из стран как правило несколько десятков семей, контролировала все ключевые отрасли экономики. Всесилие этих промышленных магнатов, банковских тузов и земельных латифундистов играло

⁴¹ К. Д и м и т р о в, Указ. соч., с. 78.

⁴² J. Ż a g n o w s k i, Указ. соч., с. 32.

решающую роль в определении политического строя страны, включая установление фашистских и других диктаторских режимов, характерных для большинства стран региона, опираясь на государственный аппарат, этот класс присваивал львиную долю национального дохода. Его миллионные прибыли далеко превосходили зарплату многих тысяч рабочих и доходы тысяч мелких и средних крестьян, доля которых в национальном доходе составляла нередко ничтожную часть.⁴³ Так в Румынии промышленные предприятия выплатили в качестве зарплаты в 1938 г. 289 тыс. рабочих 8,3 млрд., а доход получили 18 млрд. лей.⁴⁴ Аналогичное распределение национального дохода имело место и в других странах. В Югославии в том же году на долю капиталистов приходило 46,18 % национального дохода, а зарплата рабочих всего 13,9 %. В Болгарии в период 1924—1944 гг. 62 % национального дохода, созданного в промышленности.

Характерная замедленность хозяйственного развития стран региона в 20-е или 30-е годы свидетельствовало о том, что буржуазия в качестве господствующего класса оказалась неспособной удовлетворительно решить проблему развития производительных сил, как впрочем она была не в состоянии решить и многие другие социально-экономические вопросы.

Экономическая слабость буржуазии ряда стран обусловила её готовность идти на экономические соглашения с иностранным капиталом. В результате этого экспансия иностранного капитала привела к его глубокому внедрению в хозяйственную жизнь, что в свою очередь обусловило превращение иностранных монополий в важный фактор не только экономического, но и внутренней жизни этих стран, вело к неизбежному умалению их суверенитета. О доле иностранных капиталовложений свидетельствуют следующие данные. В Югославии в 1938 г. они превышали 6 млрд. динаров, составляя приблизительно половину всех капиталовложений.⁴⁵ В Румынии в 1937—1938 гг. они составляли 38 % общего капитала акционерных компаний.⁴⁶ В Болгарии по данным 1945 г. 24,4 %.⁴⁷ Все это дало повод считать иностранный капитал особым сектором народного хозяйства, хотя по нашему мнению для этого и нет достаточных оснований.

Таким образом, буржуазное общество стран Центральной и Юго-Восточной Европы представляло собой социально-дифференцированную систему с большой пестротой социального состава населения. Взаимоотношения классов в этом обществе характеризовались антагонистическими противоречиями между буржуазией с одной стороны и пролетариатом вместе с крестьянством — с другой. В самом буржуазном обществе были заложены объективные предпосылки установления прямых социальных связей между рабочим классом и другими угнетенными слоями трудя-

⁴³ Доля национального дохода, приходившегося на душу населения в 1947 составляла 65—70 долларов в Румынии, 90 долларов в Польше, 95 долларов в Венгрии и 155 — в Чехословакии.

⁴⁴ Н. И. Лебедев, *Румыния в годы второй мировой войны*, М. 1961, с. 14.

⁴⁵ *История Югославии*, Т. II, М. 1963, с. 142.

⁴⁶ N. Seaucescu, *Opere I*, с. 368.

⁴⁷ *Икономика на България*, Т. 00, с. 383.

щихся, создания прочного союза рабочего класса с трудовым крестьянством. И хотя ни в одной стране накануне второй мировой войны не удалось добиться практического создания такого союза, что объяснялось недостаточной организованностью и идеологической зрелостью рабочего класса, влиянием на него реформистских мелкобуржуазных партий, как и недостаточно высоким уровнем классовой сознательности трудового крестьянства. Однако в таких странах как Болгария, Чехословакия, Польша и Югославия намечались уже некоторые признаки его формирования.

В период второй мировой войны социальные, общественно-политические и идеологические связи в обществе претерпели существенное изменение. В годы войны особенно наглядно обнажилась антинародная, антинациональная сущность господства местной буржуазии, которая оказалась не в состоянии обеспечить защиту национальной свободы и государственности от агрессии германского империализма и воспротивиться разграблению народного хозяйства германскими монополиями. Более того, местная крупная буржуазия ради прибылей пошла на сговор с германским империализмом, участвуя в выполнении военных заказов, а в некоторых странах даже втянула свои народы на войну на стороне фашизма, как это имело место со стороны правящих клик Болгарии, Венгрии, Румынии. Беды, обрушившиеся на народные массы в связи с войной, усиление эксплуатации и ограбления, режим политического бесправия и террора — все это вело к усилению классовых и национальных противоречий, к еще большему противопоставлению монополистической буржуазии остальным слоям общества.

Такая обстановка не могла не усилить среди трудящихся масс стремления сбросить ненавистное иго чужеземного фашистского порабощения, а вместе с ним и власть предательской собственной буржуазии. Идеологические сдвиги масс происходили под влиянием классовой борьбы рабочего класса, вставшего в первых рядах борьбы с фашизмом.

Возросший в результате этого моральный авторитет рабочего класса в массах при одновременном упадке идеологического влияния на них со стороны буржуазии позволил ему установить более тесные классовые связи с многочисленными массами беднейшего и среднего крестьянства, а также другими патриотическими силами, объединив их в широком антифашистском фронте, начать подготовку социальной революции.

Первостепенную роль в этом сплочении трудящихся масс вокруг пролетариата сыграла выработанная коммунистами программа глубоких социально-экономических преобразований на базе которых стало возможным формирование Отечественных и Национальных фронтов. Коммунистические партии, руководствуясь марксистским учением о революции, исходили из социальной структуры данного общества. Они учитывали глубокую социально-классовую и идеологическую дифференциацию общества, преобладание мелкобуржуазных масс в стране, готовность этих слоев поддержать те или иные революционные меры рабочего класса. Нельзя было, в частности, игнорировать приверженность крестьянства к частной собственности на землю, а также тот факт, что значительные слои мелкой буржуазии города, крестьянства и интеллигенции питали иллюзии в отношении политики некоторых буржуазных и мелкобур-

жуазных партий, находившихся в оппозиции к фашизму и сохранявших идеологические и политические связи с отдельными слоями. Эти обстоятельства обусловили характер и темпы революционного процесса, последовательность осуществления революционных мер, оказали влияние на характер революции, на глубину политических, экономических и социальных преобразований, в том числе и на процесс преобразования социально-классовой структуры.